
УДК 81'36

ББК 81.02

К 17

Калабекова Л.Т.

Кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков для гуманитарных факультетов Центра языковой подготовки Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова, e-mail: kalabekova@list.ru

**Ведущая роль категории времени в функциональной
значимости парадигмальных форм глагольного спряжения
(фо французском, русском и осетинском языках)
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматриваются категории времени и пространства – это, очевидно, самые первичные категории бытия не только в онтогенезе, но и в процессах категоризации и концептуализации человеком окружающего мира. Делается вывод о том, что исследование любой грамматической категории (имеется в виду материал французского, русского и осетинского языков), ближайшим импликатором которой является одна из форм глагольного спряжения (например, залог, наклонение или вид), должно уже а priori учитывать присутствие в ней значения времени.

Ключевые слова:

Этнический язык, культурные и научные концепты, онтогенез человеческого сознания, материальный мир, языковой символ, пространственные отношения, временные отношения, психо-ментальное сознание человека, системная организация языков, категориальная парадигма.

Kalabekova L.T.

Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages for Humanitarian Faculties, Center of Language Training, North-Osetiya State University named after K.L. Khetagurov, e-mail: kalabekova@list.ru

**Leading role of time category in the functional
importance of paradigmatic forms of verbal conjugation
(in the French, Russian and Ossetian languages)**

Abstract:

The paper addresses the categories of time and space. Obviously, they are the most primary categories of life not only in ontogenesis, but also in categorization and conceptualization by the person of the world around. It is inferred that the research of any grammatical category (i.e. the material of the French, Russian and Ossetian languages), the nearest implication of which is one of the forms of verbal conjugation (for example, a voice, a mood or an aspect), should take into account a priori the presence of time in it.

Keywords:

Ethnic language; cultural and scientific concepts; ontogenesis of human consciousness;

material world; language symbol; spatial relations; temporal relations; psycho-mental consciousness of the person; system organization of languages; categorial paradigm.

Категоризация окружающего мира, успешно предпринятая еще Аристотелем и, добавим, никем пока не оспоренная в ее корректности и целесообразности, а, напротив, активно развиваемая и дополняемая современными исследователями (философами, логиками, лингвистами, культурологами), многократно убеждает нас в том, что три категории – место, время и отношение – являются наиболее первичными и универсальными в онтогенезе человеческого сознания, сформировавшего в каждом из ныне существующих этнических языков всю совокупность понятий, культурных и научных концептов, в том числе и лингвистических. Антропоцентрическая составляющая естественных языков подводит нас к восприятию [1] пространства как такой сущности, которая служит способом выражения «порядка и протяженности материальных объектов», а времени – как способа стать формой их бытия и носителем последовательной смены событий в присущей им длительности [2: 422; 3: 102].

Несмотря, однако, на тот общеизвестный и никем не опровергаемый факт, что время и пространство воспринимаются как взаимодополняющие и взаимообусловленные категории [2: 422], их физическая роль в организации материального мира существенно различна. Многие ученые (математики, философы, представители естественных наук) полагают, что пространство является первопричиной существования времени, ставя, таким образом, под сомнение физическую реальность этой последней. Утверждение, что время – это метапространство, определяет логическое обоснование и объективность такой ситуации, где категорию времени следует считать производной от категории пространства, а точнее – ее отражением. Вместе с тем, вопреки своей, условно говоря, вторичности и второстепенности, ка-

тегория времени, будучи в известной мере абстракцией человеческого мышления, получает более пристальное и пристрастное осмысление, становясь, таким образом, более антропоцентрической, более эгоцентрической и, как неизбежное следствие, более субъективной по отношению к пространству. Не случайно ведь многие исследователи именуют временное поле в семантической структуре языка ноэтическим [4: 678]. В соотношении этих двух взаимосвязанных категорий слагается достаточно очевидный и яркий парадокс: подлинно реальная категория пространства представляется более нейтральной и менее лично-человеческой, хотя, во-первых, все процессы и действия протекают в пространстве, во-вторых, любой материальный объект занимает в нем свою точку, а языковым символом пространственных отношений становится тестирующий вопрос «где?»

Как это ни странно, но временная категория, являясь, в сущности, некоей иллюзией нашего воображения, оказывается гораздо более близкой и понятной нашему сознанию. Но это невольное заблуждение человеческого мышления имеет вполне логическое обоснование. Все дело в том, что пространство – это средоточие прежде всего мира вещей, а время распространяется не только и не столько на материальные предметы окружающего мира, сколько на действия и процессы. Эти последние – гораздо более сложные сущности, характеризующиеся прохождением через три логически неизбежные фазы (начало, развитие, завершение (прекращение)), каждая из которых сопряжена с идеей качественного развития процесса или действия. Языковыми символами упомянутых фаз в наложении на их качественные признаки являются тестирующие вопросы «когда?» и «как?».

Изложенные факты побуждают нас

видеть в них основные причины, почему категория времени оказалась в сознании человека более субъективной, чем пространство в их обоюдной роли упорядочения и категоризации окружающей действительности, хотя именно время, не имея реальной метафизической основы, должно было занять в этом осмыслении более скромное место. По всей вероятности, доминирующее положение времени по отношению к пространству объясняется, помимо уже упомянутых причин, еще и тем, что, во-первых, ценностной мерой всех вещей стала для человека его жизнь, имеющая определенную протяженность и цикличность, во-вторых, самыми близкими, логически понятными, объяснимыми и, следовательно, самым ценными оказались для человека те предметы его бытийного окружения, которые отмечены теми же признаками цикличности. Из этого следует вполне ожидаемый вывод, что мир в восприятии человека – это прежде всего (или почти исключительно) та среда обитания, где все материальное и даже идеально-абстрактное подчиняется этому принципу, живым свидетелем которого всегда был и остается человек. Именно этот факт – привычка человека соизмерять обязательную цикличность в протекании всех процессов живой и неживой материи с цикличностью своей жизни, и объясняет уже упомянутый парадокс: время, будучи, в сущности, чисто умозрительной категорией, представляется нам более осязаемым, чем пространство. Вполне понятно и ожидаемо, что языковые формы, воплощающие категорию времени, являются гораздо более многочисленными и более сложными, чем те, которые призваны имплицировать значение пространства. Ближайшими способами выражения пространственных отношений являются, бесспорно, лексические и синтаксические единицы (слова и синтагмы), в то время как языковое воплощение времени требует прежде всего морфологической категории глагольного спряжения.

И все-таки, будучи достаточно различными, время и пространство являются собой несколько условное, но по сути своей нерасторжимое единство (метафизическое, ментальное, языковое), основную опору которого следует видеть в онтологической природе этих категорий и, что еще более важно, в их человеческой сущности, позволяющей нашему сознанию воспринимать и время, и пространство в виде оценочных и интерпретационных реалий: *близко/далеко, рано/поздно* и т.д. И хотя эти категории в своей метафизической сущности объективны, их языковое содержание определяется и дифференцируется психо-ментальным сознанием человека, поскольку его когнитивная активность, постижение им окружающего мира и себя в этом мире начинается с пространства и времени. Правы были древние, убежденные в том, что человек – «мера всех вещей» [4: 670-671]. В действительности, ощущая себя в центре мироздания, человек (в силу известной эгоцентричности своего сознания) строит этот мир и моделирует его средствами своего природного языка и по своему этническому разумению.

Итак, пространство и время – это, очевидно, самые первичные категории бытия не только в онтогенезе, но и в процессах категоризации и концептуализации человеком окружающего мира. Первичность этих категорий отражается в их взаимосвязанности, фиксируется лексикографической практикой, утверждается многими авторитетными исследователями. Так, Г. Пауль вскрывает очевидные аналогии, существующие между языковыми единицами временной и пространственной семантики в многочисленных переплетениях их первичных и особенно вторичных функций [5: 116]. Вместе с тем, системная организация многих индоевропейских языков (например, французского, русского и осетинского) стремится столь же очевидно к дифференциации данных категорий. В частности, эти языки способны имплицировать временные

отношения не только в совокупность слов соответствующей семантики, но и в грамматические формы спряжения, хотя полная парадигма глагольного спряжения может оказаться при этом полифункциональной, становясь одновременно носителем (пусть даже и в неравных пропорциях) многих других значений, типичных для морфематики глагола.

Напротив, локальные отношения практически лишены возможности воплотиться в единицы морфемного уровня. Более того. Языки обнаруживают одно удивительное свойство: самыми естественными и удобными локативами являются, например в русском и французском языках, даже не наречия, как этого следовало бы ожидать, а те части речи, которые настолько частотны в этой функции, что В.Г. Гак предлагает ввести их в совокупность не сирконстантов, а подлинных актантов [4: 80].

Содержание целостной схемы актантного членения предложения, теоретически обоснованного Л. Теньером [6: 252-284], позволяет согласиться с тем, что многие сирконстанты имеют достаточно прочные основания восприниматься в роли актантов (чаще всего опосредованных по отношению к предикату). Под сомнение мы ставим лишь актантную сущность грамматического подлежащего. Но явления такого рода (категориальная многозначность, асимметрия формы и содержания, система функциональных замен) – типичные, как мы неоднократно в этом убеждались, для естественных языков. Размышления над последовательностью в онтогенезе многих бытийных категорий и, следовательно, в их словесно-грамматическом отражении уже в языковых системах приводят нас к построению чисто умозрительной версии: те единицы языка, которые, в силу его антропо- и эгоцентрической природы, являются эксплицитными носителями локутивного присутствия (это система некоторых классов местоимений, дейк-

тических элементов), приобретают силу и позицию ядерных элементов, вокруг которых формируются целостные категориальные парадигмы. Например, в параграфах «Я имею обувь – Я обут» [7: 107], «Я страдаю – Я причиняю страдание (т.е. я мучаю)» их ядерными (точнее говоря, первичными) следует считать, очевидно, структуры левой позиции, поскольку в них обнаруживаются те значения, которые были включены в список первичных еще Аристотелем: в частности, это сема обладания и «я» как инвариантная форма локутивного смысла.

Но не эти факты, т.е. хронологическая последовательность в онтогенезе многих бытийных и языковых категорий (актива, пассива, медиа), неоспоримое единство и одновременно вполне реальная автономность таких метафизических и языковых сущностей, как время и пространство, обретают в наших размышлениях первостепенную важность. В гораздо большей мере нас интересует явление функциональной многозначности, которая настигает парадигму глагольного спряжения, выступающую в роли носителя целого пучка значений, онтологически присущих глаголу как части речи, ибо действия, процессы, состояния всегда протекают во времени, в пространстве, определенным образом и непременно отягощены каким-либо модальным отношением и признаком ориентации в ее трех вариантах: нулевой, центробежной, центростремительной. Следовательно, грамматически выраженные значения времени, пространства (это последнее тяготеет более весомо к лексико-синтаксическим способам его речевой актуализации), вида, модальности и залога формируют наиболее существенные системообразующие категории в виде некоего функционального единства [8]. Его цементирующей силой становится временное значение, которое всегда присутствует как априорная составляющая в любой из упомянутых грамматических категорий,

независимо от того, в какой ближайшей функции она (эта категория) выступает в конкретной речевой реализации. Точнее говоря, морфологически выраженное значение времени – это своеобразная суперкатегория глагольного спряжения, формирующая вполне реальную концептуальную константу.

Сказанное ставит нас перед необходимостью констатировать следующее: исследование любой грамматической категории (имеется в виду материал французского, русского и осетинского языков), ближайшим импликатором которой явля-

ется одна из форм глагольного спряжения (будь то залог, наклонение или вид), должно уже а priori учитывать присутствие в ней значения времени, и с этим императивным фактом исследователь должен непременно считаться. Изложенная информация о метафизической основе в соответствиях временных и пространственных значений, возведенных в уровень грамматических категорий, повторяет почти в адекватном виде их осмысление как онтологически реальных сущностей, закрепленных в языковых системах [9].

Примечания

1. Чтобы отстранить от себя возможные упреки в солипсизме и попрании общеизвестного закона об объективности времени и пространства - закона, давно ставшего аксиоматическим знанием, считаем необходимым обратить особое внимание на утверждаемую нами идею о неизбежной субъективности в трактовке человеком этих категорий, когда субъективность выступает в нашем сознании уже не в формате онтогенеза, а лишь в виде когнитивного фактора.

2. Кондаков Н.И. Логический словарь справочник. М.: Наука, 1971. 656 с.

3. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2009. 1239 с.

4. Гак В.Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 763 с.

5. Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Иностр. лит., 1960. 500 с.

6. Tesnière L. *Eléments de syntaxe structurale*. P.: Klincksieck, 1959. 670 p.

7. Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. М.: Прогресс, 1974. 447 с.

8. Упомянутое единство есть не что иное, как межкатегориальные взаимодействия, призванные, во-первых, регулировать жизнеспособность языковых систем в целом или же их отдельных звеньев, во-вторых, прочерчивать типологические сходства и расхождения между разноструктурными языками способом выделения в них универсальных и собственно этнических признаков, высвечивающих общее и отдельное в ментальности, в культурных и духовных приоритетах, в наиболее существенных этапах развития человеческих сообществ. Гуманитарные разыскания, вписывающиеся в комплекс данной тематики, требуют максимального внимания к междисциплинарным связям, активно «работающим» на материале: а) какого-либо одного языка и одной этнокультуры; б) но еще больше – в их наложении на материал двух (или более) этнических языков. Большой вклад в формирование метода необходимого обращения к смежным наукам в разработке широкомасштабной гуманитарной тематики и в решении столь же разнообразной проблематики, связанной с лингвистикой, этнографией, историей, культурологией, общей и частной фольклористикой, внес своими многочисленными трудами Абрегов А.Н. [см., в частности, одну из его последних работ: Абрегов А.Н. Причастность смежных наук к локализации истоков нартских сказаний и определению их этногенетической принадлежности. Эпический текст: проблемы и

перспективы изучения // Материалы I Международной научной конференции. Ч. I. Пятигорск: ПГЛУ, 2006. URL: <http://mith.ru/epic/5g01.htm>].

9. О методологической важности выявления онтологической природы грамматических категорий (в частности, категории рода в индоевропейских языках) см.: Нещеретова Т.Т. К вопросу о происхождении и онтологической сущности грамматической категории рода // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. Майкоп, 2009. № 4. С. 119-123.

References:

1. To push away some possible reproaches in solipsism and violation of the well-known law of objective character of time and space, the law which long ago became axiomatic knowledge, we consider it necessary to pay special attention to the idea, approved by us, of the inevitable subjectivity in person's interpretations of these categories when subjectivity doesn't act in our consciousness in the ontogenesis format any more, and only in the form of a cognitive factor.
2. Kondakov N.I. Logic dictionary-directory. M.: Nauka, 1971. 656 pp.
3. Ushakov D.N. The Large Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language. M.: Alta-Print, 2009. 1239 pp.
4. Gak V.G. Linguistic transformations. M.: Languages of Russian culture, 1998. 763 pp.
5. Paul G. Principles of language history. M.: Inostr. lit., 1960. 500 pp.
6. Tesnière L. *Éléments de syntaxe structurale*. P.: Klincksieck, 1959. 670 p.
7. Benvenist E. *General linguistics*. M.: Progress, 1974. 447 pp.
8. The mentioned unity is the intercategoryal interactions that must, first of all, regulate the viability of language systems as a whole or their separate parts, secondly, show typological similarities and divergences between languages with different structures by means of emphasizing in them universal and actually ethnic signs, highlighting the general and individual in mentality, in cultural and spiritual priorities, in the most essential stages of development of human communities. The humanitarian researches which are fitting in a complex of this subject, demand the maximum attention to the interdisciplinary connections which are actively «working» using the material: а) of one language and one ethnic culture; б) but more attention if they superimpose on the material of two (or more) ethnic languages. The great contribution to the formation of the method of necessary appeal to interdisciplinary sciences in the development of large-scale humanitarian subject and in the solution of such various range of problems connected with linguistics, ethnography, history, culturology, general and private folklore study, was made by the numerous works of Abregov A.N. [see, in particular, one of his latest works: Abregov A.N. Participation of interdisciplinary sciences in the localization of sources of the Narts' legends and definition of their ethnogenetic belonging. An epic text: problems and study prospects // Materials of the I International scientific conference. P. I. Pyatigorsk: PGLU, 2006.
9. On the methodological importance of identification of the ontologic nature of grammatical categories (in particular, of gender category in Indo-European languages) see: Neshcheretova T.T. On the problem of origin and ontological nature of grammatical category of gender // The Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». Maikop, 2009. No. 4. P.119-123.